

ПОНЯТИЕ КОЖИ-Я

Ж-Д. НАЗЬО*

Четыре серии данных – этологические, групповые, проективные и дерматологические – привели меня к гипотезе, впервые опубликованной в 1974 году, о существовании Кожи-Я. Перед тем, как ее представить в дополненном виде, имеет смысл напомнить ряд положений, касающихся понятия оральной стадии.

Грудь-Рот и Грудь-Кожа

З.Фрейд не ограничивал фазу, названную им оральной, опытом только лишь зоны рта и гортани и удовольствием сосания. Он постоянно подчеркивал важность последовавшего за сосанием удовольствия от ощущения тяжести в желудке. Если рот, являясь местом прохождения и поглощения пищи, дает первый, яркий и моментальный, опыт вкусового различения, то ощущение наполненности желудка приносит младенцу опыт более расплывчатый и продолжительный – переживание полноты, центра притяжения, центра тяжести. Нет ничего удивительного в том, что современная психопатология придает все большее значение чувству внутренней пустоты у некоторых больных, и что техники расслабления, подобные методу Шульца, предлагают почувствовать в своем теле в первую очередь тепло (= прохождение молока) и одновременно тяжесть (= наполненность желудка).

При уходе матери за ребенком он получает третий опыт, дополняющий два предыдущих: его держат на руках, прижимают к телу, от которого исходят доставляющие малышу удовольствие тепло и запах, он чувствует движение, его носят, качают, гладят, ласкают, моют, все это обычно сопровождается морем слов (*bain des paroles*) и негромким напеванием. Мы находим здесь все характеристики влечения привязанности, получившего описание у Дж.Боулби и Х.Ф.Харлоу, и те характеристики, которые привели Р.Шпитца и М.Балинта к идее первоначальной (*primitive*) полости. Действия матери постепенно ведут ребенка к различению поверхности, имеющей внутреннюю и внешнюю стороны, то есть некой границы, суще-

* *Ж.-Д.Назьо* – широко известный во Франции врач-психиатр, психоаналитик. Он возглавляет Парижские психоаналитические семинары, в рамках которых осуществляется профессиональная подготовка психоаналитиков. Имеет частную психотерапевтическую практику, работая с детьми и взрослыми пациентами. Множество его статей и 12 книг опубликовано во Франции и других странах, получив резонанс в научной среде. Ж.-Д.Назьо – кавалер Ордена Почетного Легиона, которым он награжден как психоаналитик и писатель.

ствующей между тем, что внутри и что снаружи, а также – окружающего объема, в который он чувствует себя погруженным. Поверхность и объем приносят ему переживание *контейнирования* (*un contenant*).

Грудь – понятие, часто используемое аналитиками для описания некой целостной, проживаемой ребенком реальности, где сосуществуют четыре характеристики, которые аналитик, вслед за ребенком, склонен иногда путать. Это, с одной стороны, грудь кормящая, с другой – наполняющая, с третьей – кожа, теплая и мягкая на ощупь, а также активно ощущающая и стимулирующая. Материнская грудь, всеобъемлющая и синкретическая, – есть первый психический объект. Двойная заслуга Мелани Кляйн заключается в том, что она показала, с одной стороны, пригодность груди к первоначальным метонимическим замещениям (грудь-рот, грудь-полость, грудь-кал, грудь-урина, грудь – дети-соперники) и, с другой, – ее способность вызывать инвестиции двух противоположных фундаментальных влечений. Имеются в виду – названное *благодарностью* наслаждение, которое приносят влечение к жизни, радость участия в ее творчестве, и *деструктивные желания*, нацеленные на ту же самую грудь, если она фрустрирует ребенка, давая радость другому. Ставя при этом акцент исключительно на фантазме, Мелани Кляйн пренебрегает качествами собственно телесного опыта и настаивает на отношениях между некоторыми частями тела и продуктами их выделения (молоко, сперма, экскременты) в креативно-деструктивной динамике. Она упускает из виду кожу, которая связывает все эти части тела между собой в единое целое (отвечая именно на это пренебрежение, Д.Винникотт в 1962г. придал особое значение положениям *holdingu* и *handlingu* реальной матери – {от англ. *hold* – держать, и *handle* – обходиться, ухаживать, касаться руками; более подробное объяснение см. далее – *Ред.*}). Понятие поверхности тела вообще отсутствует в теории Мелани Кляйн, и это отсутствие тем более удивительно, что один из основных элементов ее теории – противопоставление интроекции (модель кормления) и проекции (модель дефекации) – предполагает наличие границы, позволяющей различать то, что внутри и что снаружи. Но, тем не менее, можно быть уверенным, что, говоря о “внутреннем мире” и о “внутренних объектах”, М.Кляйн подразумевает понятие внутреннего пространства. Исходя из этого, мы лучше понимаем некоторую сдержанность, с которой, по свидетельствам самой Кляйн, реагируют на ее технику пациенты: бомбардировка интерпретациями рискует снять с Эго не только его защиты, но и защитную конверт-оболочку.

Последователи М.Кляйн, стараясь восполнить отсутствующее понятие, разработали ряд новых, в ряду которых Кожа-Я естественным образом находит свое место:

– интроекция младенцем отношений мать-младенец как отношений “содержащее-содержание” и последующее образование “эмоционального

пространства” и “пространства мысли” (первая мысль об отсутствии груди делает более терпимой фрустрацию, вызванную этим отсутствием), которое завершается формированием аппарата мысли о мыслях (*Bion, 1962*);

– представление о двух “я”, соответствующих двум формам детского аутизма: Я-осьминоге, мягком и эластичном, и о жестком Я-ракообразном (аутистический панцирь) (*Tustin, 1972*);

– понятие второй – мышечной – кожи как наступательно-защитной брони у шизофреников (*Bick, 1968*);

– образование трех психических границ – с внутренним пространством внешних объектов, с внутренним пространством внутренних объектов и с внешним миром, наличие которых, тем не менее, не становится помехой для образования “черной дыры” (по аналогии с астрофизикой), обладающей способностью поглощать любой психический элемент, который к ней приближается (бред, аутистический вихрь) (*Meltzer, 1975*).

Я должен равным образом упомянуть здесь и утверждения четырех французских аналитиков, чьи теоретические разработки и клиническая интуиция идут в одном направлении с моими взглядами и чья постоянная заинтересованность помогала им складываться.

Любой бессознательный психический конфликт разворачивается не только по эдиповой оси, но одновременно и по оси нарциссической (*Grunbeger, 1971*).

Каждая подсистема психического аппарата и психическая система в целом подчиняются диалектическому взаимодействию между ядром и оболочкой (*Abraham, 1978*).

Существует примитивное функционирование психического аппарата *пиктограммической природы*, более архаическое, чем первичные и вторичные процессы (*Castoriadis-Aulagnier, 1975*).

Пространство воображаемого развивается из отношений, взаимовключающих тела матери и ребенка, с помощью двойного процесса чувственной и фантазматической проекции (*Sami-Ali, 1974*).

Любая фигура предполагает наличие фона, на котором она проявляется. Эта элементарная истина часто недооценивается, поскольку внимание обычно целиком приковывается к самой фигуре, которая выступает на первый план, а не к фону, от которого она отделяется.

Опыт ребенка, касающийся прохождения поглощенных им продуктов через отверстия, конечно, важен, но отверстия могут восприниматься так или иначе лишь при наличии других весьма важных ощущений, какими бы расплывчатыми они ни были. Ребенок начинает воспринимать собственную кожу как поверхность, соприкасаясь своим телом с телом матери, при условии успокаивающего отношения привязанности к ней. И подобным образом он получает не только представление о границе между внешним и

внутренним, но также и необходимую уверенность в постепенном овладении отверстиями, где происходит переход от внешнего к внутреннему и наоборот. Иначе говоря, ребенок может чувствовать себя уверенно в отношении функционирования отверстий только в том случае, если, помимо прочего, у него есть базовое чувство, гарантирующее ему целостность его телесного конверта.

Клиника подтверждает здесь то, что В.Бион обозначил понятием психического контейнера: “*contenant = содержащее*” (Bion, 1962). Он считает, что опасность деперсонализации связана с образом перфорированного, дырявого конверта, а также с тревогой вытекания жизненной субстанции через дырки, носящей, по мысли автора, первичный характер, – тревогой не только фрагментации, но опустошения. Обычно эта тревога находила у некоторых пациентов достаточно точное метафорическое выражение: они описывали себя как яйцо с продырявленной скорлупой, через которую вытекает белок, и даже желток.

Кожа, к тому же, – место расположения проприоцептивных ощущений, чью важность в развитии характера и мышления ребенка подчеркнул Генри Валлон. Кожа – один из органов, регулирующих тонус. И мышление – в таких экономических терминах, как аккумуляция, смещение и разрядка напряжения, – предполагает наличие Кожи-Я.

Единство поверхности тела ребенка и матери дает ребенку опыт, который ввиду своих эмоциональных качеств не менее важен, чем опыт сосания и дефекации (Фрейд) или фантазматического присутствия внутренних объектов, представляющих продукцию функционирования отверстий (М.Кляйн), поскольку обладает способностью стимулировать доверие, удовольствие и мышление. Материнский уход невольно стимулирует кожу во время купания и мытья ребенка, держания его на руках, при объятиях. Кроме того, матери прекрасно знают, сколько удовольствия приносит соприкосновение с кожей – и младенцу, и им самим – и своими ласками, играми провоцируют его специально. Малыш принимает эти материнские действия сначала как стимуляцию, затем как коммуникацию. Массаж становится *message*’м, посланием. Поэтому освоение речи требует предварительного установления такой ранней превербальной коммуникации.

Роман и фильм “*Джонни ушел на войну*” хорошо иллюстрирует этот момент. Тяжело раненный солдат потерял зрение, слух и способность к движению; медсестре удается установить с ним контакт, рисуя рукой буквы на груди и животе раненого; затем, в ответ на немой запрос, она доставляет ему удовольствие сексуальной разрядки посредством мастурбации. Медсестра возрождает у него, таким образом, вкус к жизни, желание выжить, поскольку он чувствует себя признаваемым и удовлетворенным в своей потребности общения, а затем и в своих мужских желаниях.

Как бы то ни было, неоспорим факт, что с развитием кожа эротизируется; удовольствия кожи интегрированы в сексуальную активность взрослого; они сохраняют роль первого плана в женской сексуальности. Генитальная сексуальность, и даже ауто-эротическая, доступна только тем, кто достиг хотя бы минимального чувства базовой безопасности в собственной коже.

Идея Кожи-Я

Образование Кожи-Я происходит в ответ на потребность формирования нарциссической оболочки-конверта, которая обеспечивает психическому аппарату уверенность в базовом благополучии и устойчивость хорошего самочувствия. Соответственно, психический аппарат может отважиться на садистические и либидинозные инвестиции объектов. Я-психическое укрепляет себя идентификациями со своими объектами и тогда телесное Я может испытывать прегенитальные, а затем генитальные удовольствия.

Благодаря понятию Кожи-Я удастся описать, как, исходя из опыта поверхности тела, Эго ребенка на ранних стадиях его развития начинает представлять себя самое в качестве содержащего *психические содержания*. Это соответствует моменту, когда Я-психическое дифференцируется от Я-телесного в плане действия, но остается смешанным с ним в образном, символическом плане. Тауск (1919) особенно убедительно показал, что синдром воздействующего аппарата включает в себя, главным образом, различие этих двух Я. Психическое Я, которое человек признает как *свое* (это Я применяет механизмы защиты против опасных сексуальных влечений и логически интерпретирует данные, полученные через посредство органов восприятия), дифференцируется с телесным Я, которое больше не признается человеком как ему принадлежащее, вследствие чего собственные кожные и сексуальные ощущения начинают приписываться работе аппарата воздействия, управляемого соблазнителем-преследователем.

Любая психическая активность прикрепляется к биологической функции. Кожа-Я находит себе поддержку в разных функциях кожи в обычном понимании. Забегая вперед, назову три из них. Кожа (первая функция) – это мешок, который вмещает и удерживает внутри все, что там собрано хорошего и полноценного, такого, как молоко, забота, море ласковых слов. Кожа (вторая функция) – это поверхность, которая обозначает границы с внешним миром и удерживает внутренний: барьер, защищающий нас от проникновения жадности и агрессии, исходящих от других людей или предметов. И, наконец, кожа (третья функция), так же как и рот, – первичное средство коммуникации с Другим, место установления значимых отношений. Она, к тому же, и поверхность, на которой отношения оставляют свои следы.

Благодаря этому своему эпидермическому и проприоцептивному происхождению, Я наследует двойную способность – устанавливать барьеры

(которые становятся механизмами психической защиты) и фильтровать обмена (с Оно, Сверх-Я и внешним миром).

Именно влечение привязанности, если оно раннее и достаточно удовлетворительное, служит для младенца основанием, на почве которого может проявляться то, что Люке (1962) назвал интегративным порывом Эго. Впоследствии Кожа-Я формирует даже самую возможность мыслить.

Фантазм “общей кожи” и его нарциссический и мазохистический варианты

Обсудим понятие первичного мазохизма. Мазохистическое страдание, прежде чем оно было вторично эротизировано и привело к сексуальному или моральному мазохизму, объясняется главным образом тем, что еще до того как ребенок пошел и заговорил, до стадии “зеркала”, имела место часто повторяющаяся и потому травматичная, резкая смена отношений с матерью или ее заместителями: от сверхстимуляции – к недостаточному физическому контакту, от удовлетворения потребности в привязанности – к ее фрустрации.

Образование Кожи-Я – одно из условий перехода от первичного нарциссизма к вторичному, и от первичного – к вторичному мазохизму.

В психоаналитическом лечении мы часто сталкиваемся с пациентами, которым присуще либо сексуально-мазохистическое поведение, либо частичная фиксация на мазохистической перверзной позиции. В истории этих пациентов я, как правило, обнаруживал относящиеся к раннему детству эпизоды реального физического поражения кожи, что служило определенным материалом для их фантазматической организации. Примерами могут служить поверхностное хирургическое вмешательство (т.е. операция на поверхности тела); дерматоз или облысение в результате какого-либо кожного заболевания; шок или случайное падение, в результате которого значительная часть кожи оказывалась содранной; наконец, ранние симптомы истерической конверсии.

Эти наблюдения позволили мне выделить бессознательный фантазм, лежащий под перверзным мазохистическим поведением. Это фантазм не о “расчлененном” теле, как предполагают некоторые аналитики (такой фантазм, как мне кажется, более типичен для психотической организации), а о теле *без кожи*, о теле с содранной кожей.

З.Фрейд, комментируя историю Человека-Крысы, упоминал о “страхе непознанного наслаждения”. Наслаждение мазохиста достигает максимума, когда телесное наказание применяется к поверхности кожи (порка, бичевание, уколы) и когда часть кожи разорвана, продырявлена, вырвана. Мазохистическое сладострастие, мы это знаем, ищет возможность заявить о себе, оно хочет быть зримым, чтобы удары оставляли следы на поверхности тела. Среди пре-генитальных удовольствий, которые обычно сопровождают

сексуальное генитальное наслаждение, не выходя при этом за рамки нормы, довольно часто встречаются такие формы, которые оставляют на коже партнера след (от укусов или царапин). Именно в этом мы усматриваем знак дополнительного фантазматического элемента, который у мазохиста выступает на первый план.

Как мы увидим в следующей главе, посвященной греческому мифу о Марсиасе, первофантазм мазохиста состоит из следующих представлений: 1) одна и та же кожа принадлежит и ребенку, и матери – символическая кожа их симбиотического союза, и 2) процесс отделения ребенка от матери и его доступа к автономии влечет за собой разрыв этой общей кожи.

Этот фантазм о содранной с кого-то шкуре подпитывается наблюдениями за тем, как освежевывают убитых домашних животных, опытом порки или лечения разного рода порезов и болячек.

Большинство пациентов, у которых я находил выраженную мазохистическую фиксацию, более или менее осознанно представляли фантазм кожного слияния с матерью. Мне кажется очевидной близость бессознательного фантазма о теле с содранной кожей и предсознательного фантазма слияния. Симбиотический союз с матерью фигурирует в языке архаического мышления в тактильном (и, вероятно, в обонятельном) образе, где два тела – ребенка и матери – имеют общую поверхность. И сепарация с матерью представляется как отрывание, как разрыв этой общей кожи. Элементы реальности поддерживают это фантазматическое представление. Скажем, в случае болезни, операции или приведшего к ране несчастного случая, когда пластырь приклеивают к плоти, а мать или ее заместитель потом срывают его (или ребенок просто представляет, что она может сорвать пластырь вместе с кусочками эпидермы) фантазм получает подкрепление: тот, кто лечит и проявляет заботу, может также содрать кожу, “шкуру”. Но тот, кто разрывает общую оболочку-конверт, способен также ее и починить.

В фантазме мазохиста мех (“*Венера в мехах*”, Захер-Мазоха) выступает образной репрезентацией возврата к контакту “кожа к коже”, мягкому, чувственному, имеющему запах (нет более сильного запаха, чем запах нового меха), к этому соединению тел, которое составляет одно из дополнительных удовольствий генитального наслаждения. Тот факт, что Венера бичевала Захер-Мазоха, – в жизни, как и в романе, – будучи под мехом голый, подтверждает, что до того, как кожа-мех получил значимость сексуального объекта, он имел значение объекта привязанности. Нужно ли напоминать, что мех в реальности – это кожа животного, и что его присутствие способно направлять наши ассоциации к животному с содранной шкурой? Ребенок Северин, очарованный Венерой или Вандой, одетыми в меха, видит в воображении свою мать, что означает одновременно и слияние, и разрыв. Мягкость меха связывается с чувственной нежностью, проживаемой в отношениях с матерью, которая с любовью дарует свою заботу

ребенку. Но Венера в мехах представляет также мать, которую ребенок стремится увидеть голой или которую он пытался соблазнить, оголяя перед ней в воображении или на самом деле свой пенис; мать, которая наказывала его, шлепая, в воображении сдирает с него шкуру, затем триумфально драпируется в кожу побежденного, как героини-охотники в древних мифах или в обществах, называемых примитивными, рядятся в шкуры диких животных или в кожу убитых врагов.

Настало время ввести фундаментальное различие между двумя типами отношений матери и заботящегося окружения – с кожей и телом ребенка. Некоторые прикосновения сообщают *возбуждение* (например, сильно либидизированное возбуждение матери во время ухода за телом ребенка может передать ему эрогенную стимуляцию, настолько преждевременную и чрезмерную относительно уровня его психического развития, что он переживает ее как травматическое соблазнение). Другие – связаны с *передачей информации* (касающейся, например, базовых потребностей младенца, эмоций, которые испытывают оба партнера, или опасностей, исходящих из внешнего мира, а также манипуляций с одушевленными и неодушевленными объектами). Эти два типа отношений сначала не дифференцируются ребенком и продолжают оставаться такими до тех пор, пока сама мать и заботящееся окружение смешивают их, спутывают. У истериков подобное смешение имеет тенденцию существовать постоянно: истерик, под маской возбуждения, передает партнеру сообщение настолько завуалированное, что тот, скорее, ответит на возбуждение, а не на информацию, провоцируя, таким образом, разочарование, злость и жалобы. При некоторых формах депрессии имеет место противоположная динамика. Ребенок как раз получает необходимый и достаточный уход за телом (что сопровождается возбуждением влечений), но мать, предающаяся печали в связи с трауром по близкому родственнику либо по поводу развода с мужем, а может быть, охваченная послеродовой депрессией, мало озабочена тем, чтобы понять значение получаемых от ребенка сигналов и, в свою очередь, передать их самой. Становясь взрослым, человек впадает в депрессию каждый раз, когда получает материальную или духовную пищу, которая не сопровождается значимым обменом и поглощение которой еще более интенсивно заставляет его чувствовать внутреннюю пустоту.

Судьба этих двух типов отношений – возбуждающих и означающих – связана, соответственно, с мазохизмом и нарциссизмом.

Парадокс *возбуждающих отношений* состоит в том, что мать, служившая для ребенка первоначальной защитой от возбуждения, от агрессии внешней среды, провоцирует у него, качеством и либидинозной интенсивностью телесного ухода, сверхстимуляцию внутренней природы, чрезмерность которой быстро становится неприятной. Построение Кожи-Я, таким образом, нарушается из-за того, что образуется прочная психическая оболочка

ка-конверт, несущая одновременно и возбуждение, и страдание (вместо Кожи-Я, защищающей от возбуждения, и конверта-оболочки комфортного самочувствия). Именно здесь кроется экономическая и топографическая база мазохизма, с компульсивным повторением опыта, реактивирующего одновременно возбуждающий и страдающий конверт-оболочку.

Парадокс *отношений означивания* состоит в том, что мать, внимательная не только к телесным и физиологическим, но и к психическим потребностям ребенка, не только удовлетворяет его потребности, но и показывает (посредством выполняемых ею конкретных действий и чувственного отклика), что она правильно понимает (правильно интерпретирует) эти его потребности.

Ребенок удовлетворен в своих потребностях и, главное, он удовлетворен в потребности быть понятым (т.е. в том, что его потребности встречают понимание). Отсюда образуется нарциссически инвестированная конверт-оболочка – благополучия, хорошего самочувствия. Поддерживается иллюзия, необходимая для образования Кожи-Я, что человек, соединенный с другой стороной этого конверта-оболочки, немедленно и симметрично реагирует на сигналы ребенка: успокаивающая иллюзия, что у него в распоряжении находится двойное нарциссическое всезнание.

В обоих случаях – под вторичным нарциссизмом, так же как и под вторичным мазохизмом, – лежит фантазм *общей поверхности кожи матери и ребенка*: в первом случае на этой поверхности преобладает прямой взаимообмен возбуждениями, во втором – прямой обмен значениями.

Когда Кожа-Я развивается при легко уязвимом нарциссизме, первичный фантазм общей кожи трансформируется во вторичный – неуязвимой и укрепленной кожи, характеризующейся двойными соединенными стенками. Когда Кожа-Я развивается преимущественно в мазохистическом плане, общая кожа фантазируется как кожа поврежденная и содранная. Различные фантазмы о коже, которые можно найти в мифологии, выделяют два аспекта: первый – кожи-панциря, защиты (щит Зевса), или кожи-лохмотьев (небесные платья и верхняя одежда из кожи осла) и второй аспект – истерзанная кожа, содранная и смертоносная.

С.Консоли представил случай пациента (мазохиста), который жаловался на то, что он воображает себя жертвой унижающей его женщины: она стоит во весь рост, одетая в овечью или коровью кожу, а он – у ног этой женщины на четвереньках, в образе овцы или коровы (*S.Consoly*). Итак, здесь фигурирует представление о коже, общей для мужчины (трансформированного в животное) и укрощающей его женщины (обрядившейся в кожу того же животного). В этой комплементарности ролей акцент ставится на иллюзии нарциссической непрерывности. В их “теле к телу” каждый представляет собой, скорее, продолжение другого (как об этом думает сам Консоли), каждый является одной из сторон общей кожной поверхности, о которой я

уже говорил. Следует добавить, что в многочисленных сценариях первертов или просто в эротических фантазиях мех выполняет роль фетиша, благодаря его схожести с волосяным покровом, маскирующим гениталии, и таким образом косвенно предполагает признание различия полов.

Функции КожИ-Я

Я опираюсь на два общих принципа.

Первый из них, принадлежащий Фрейдю, гласит, что: любая психическая функция развивается, опираясь на телесную, откуда она перемещает функционирование на психический план. В отличие от Жана Лапланша, который рекомендует сохранить концепцию опоры на органические функции самосохранения, “прикрепляясь” к которым, начинают свое развитие сексуальные влечения, я – приверженец более широкого взгляда. На мой взгляд, развитие психического аппарата совершается через последовательный *отрыв* от своей биологической основы, что дает возможность, с одной стороны, ускользать от биологических законов, а с другой, делает необходимым поиск опоры всех психических функций в функциях тела.

Второй принцип, также известный Фрейдю, заимствован у Х.Джексона. Согласно этому принципу, развитие нервной системы в течение эволюции приобрело особенность, не встречающуюся в других органических системах, а именно, что самый молодой и близкий к поверхности орган – мозг – стремится взять на себя управление всей системой, интегрируя другие неврологические подсистемы. На ту же роль претендует и сознательное Я. Оно также стремится занять в психическом аппарате “поверхность”, контактируя с внешним миром, и контролировать функционирование этого аппарата. Известно также, что кожа (поверхность тела) и мозг (поверхность нервной системы) берут свое начало в одной и той же эмбриональной структуре – эктодерме.

Для психоаналитика, каковым я себя считаю, кожа имеет важнейшее значение: она снабжает психический аппарат основными представлениями Я и его главными функциями. Эта констатация вписывается, в свою очередь, в рамки общей теории эволюции. В процессе эволюции – от млекопитающих до человека – не только увеличился и усложнился мозг, но и кожа потеряла свою былую твердость и защитный меховой покров. Волосы остались лишь на черепе, где они дублируют защиту мозга, и вокруг отверстий на лице и туловище, где они усиливают чувствительность, даже чувственность. Как это показал И.Херманн, человеческому малышу становится сложнее удовлетворить влечение хватания за мать, что обрекает его на ранние весьма длительные и интенсивные тревоги, обусловленные потерей защиты и отсутствием поддерживающего объекта, а также на скорбь, названную первоначальной (*Hermann, 1930*). Зато влечение привязанности приобретает для него огромную важность, поскольку детство человека не-

сравнимо длиннее, чем у других видов. Данное влечение располагает определенными маркерами, которыми служат сигналы матери и помогающей ей семьи – улыбка, нежность контакта, тепло объятия, разнообразие звуковых посланий, бережность и надежность ношения на руках, качание, готовность обеспечить пищей и уходом. Подобное сопровождение поставляет знаки, с одной стороны, о внешней реальности и ее качествах (“*manement*” – определение качества предмета *на ощупь* – Прим. пер.), а, с другой, – о чувствах, испытываемых партнером в ответ на эмоции младенца. Здесь мы попадаем, скорее, не в регистр удовлетворения витальных потребностей самосохранения (пища, дыхание, сон), “прикрепляясь” к которым, будут создаваться сексуальные и агрессивные желания, но в регистре *коммуникации* (довербальной и инфра-лингвистической), к которой в какой-то момент прикрепляется языковой обмен.

Оба регистра часто функционируют одновременно: сосание, например, предоставляет случай для тактильной, зрительной, звуковой и обонятельной коммуникации. Известно, что только лишь материальное удовлетворение витальных потребностей, при систематическом лишении чувственных и эмоциональных обменов, может привести ребенка к госпитализму или аутизму. Равным образом утверждается, что с взрослением младенца доля общения ради общения, независимо от действий по самосохранению, будет увеличиваться. Первоначальное общение, как в реальности, так и в фантазме, – это прямое, ничем не опосредованное общение кожа к коже.

З.Фрейд в работе “Я и Оно” (1923) убедительно показал, что не только механизмы защиты и черты характера берут свое начало из телесной активности, но и психические инстанции. Психические влечения, образующие Оно, происходят из биологических инстинктов; то, что он потом назовет “Сверх-Я”, имеет акустические корни; а Я исходно образуется из тактильного опыта. Мне кажется важным прибавить, что, на мой взгляд, существует и более архаическая топика, может быть, самая первичная, с чувством существования *Себя самого: Самость*, которая соответствует звуковому и обонятельному конверту-оболочке. От Самости, на базе тактильного опыта, дифференцируется Я. *Снаружи самости* спроецированы как внутренние, так и внешние стимуляции. Вторичная топика (Оно, Я с его ответвлением в виде Я-идеала; Сверх-Я, образующее пару с Я-идеалом) организуется на этапе, когда зрительная оболочка находит продолжение в тактильной, предоставляя Я главную опору. В это же время предметные представления (в основном зрительные) соединяются в предсознании со словесными представлениями, развивающимися по мере приобретения речи, а Я и Сверх-Я дифференцируются от внешней стимуляции и возбуждения влечений, что также выступает условием организации вторичной топика.

В статье 1974 года о Коже-Я я определил три ее функции: а) контейнирующей и объединяющей оболочки Самости, б) защитного барьера психики

и в) своеобразного фильтра обмена и записи первых следов, на основе чего становится возможным представление. Этим трем функциям соответствуют три образа: *мешок*, *экран* и *сито*. Работа Паше “Le Bouclier de Persee” (Pasche, 1971) привела меня к мысли о существовании четвертой функции – *зеркала реальности*.

Восемь функций Кожи-Я

Я попробую установить более систематическую параллель между функциями кожи и функциями Я, пытаюсь уточнить для каждой из них *способ перехода* между органическим и психическим, а также *типы тревоги*, связанные с патологией этих функций, и *формы расстройств Кожи-Я*, которые нам приносит клиника. Порядок, которому я следую, не подчинен никакому жесткому классифицирующему принципу. Тем более, я не претендую на создание исчерпывающего списка этих функций. Он остается открытым.

1. Примерно так же, как кожа выполняет функцию поддержания скелета и мышц, Кожа-Я несет функцию *поддержания психики*. В биологическом плане она осуществляется посредством того, что Д.Винникотт назвал “холдингом” – *holding*, понимая под этим манеру матери держать тело младенца (Winnicott, 1962, с.12-13). Развитие психической функции происходит на основе интериоризации материнского холдинга. Кожа-Я – это часть матери (особенно ее руки), которая была интериоризирована, получив возможность поддерживать психику в состоянии функционирования, по крайней мере, во время бодрствования, так же как мать держит в это же самое время тело младенца в состоянии единства и прочности. Способность младенца физически держать себя самого обуславливает доступ к сидению, стоянию, ходьбе. Внешняя опора на материнское тело ведет ребенка к достижению внутренней опоры на позвоночник как на твердую, прочную кость, позволяющую выпрямиться. Одно из предварительных ядер Я состоит в ощущении образа внутреннего материнского или общего родительского фаллоса, что обеспечивает в психическом пространстве процесс образования первой оси – способность поддерживать вертикальность и бороться против силы тяжести, и тем самым подготавливает опыт обладания собственной психической жизнью. Именно благодаря опоре на эту ось, Я может привести в действие самые архаические механизмы защиты, такие как расщепление и проективная идентификация. Но оно может опереться на эту ось лишь в полной безопасности, только будучи уверенным в наличии зон близкого и стабильного контакта своего тела – с кожей, мышцами и ладонями матери (или людей из своего первичного окружения), а на периферии своей психики – во взаимном окружении психикой матери (что Сами-Али назвал *взаимным включением* – {Sami-Ali, 1974}).

Б.Паскаль, рано оставшийся без матери, усиленно теоретизировал в области физики, затем в психологии и религии по поводу ужаса внутренней пустоты, который он долго приписывал Природе, но который в его случае объясняется отсутствием в раннем детстве “объекта-поддержки”, необходимого психике, для того чтобы найти центр притяжения. Ф.Бэкон в своих картинах рисовал вырождающиеся тела, кожа и одежда которых обеспечивали им поверхностную целостность, но они были как бы лишены спинного хребта, удерживающего и тело, и мысль в вертикальной позиции: кожа наполнялась, скорее, жидкой, нежели твердой субстанцией, что точно соответствует образу тела алкоголика.

Здесь действует не фантазматическая инкорпорация кормящей груди, а первичная идентификация с “объектом-поддержкой”, к которому ребенок прижимается и который его держит. В данном случае удовлетворение получает не столько либидо, сколько влечение хватания или привязанности. Присоединение тела ребенка к телу матери – лицом к лицу – связано с сексуальным влечением, которое находит удовлетворение на оральном уровне в сосании и в таком проявлении любви, как объятие. Любящие друг друга взрослые снова открывают этот тип соединения для удовлетворения своих сексуальных влечений на генитальном уровне.

Первичная идентификация с “объектом-поддержкой” предполагает другую пространственную диспозицию, представленную в двух дополняющих друг друга вариантах. Дж. Гротштейн, калифорнийский последователь В.Биона, первым уточнил эти позиции: спина ребенка прислоняется к животу человека – объекта-поддержки (*back-ground object*) или, наоборот, живот ребенка прижимается к спине поддерживающего объекта (*Grotstein, 1981*). В первом варианте ребенок прислоняется к поддерживающему объекту, который создает своего рода полость, углубление в себе. Он чувствует себя защищенным с тыла, со спины, единственной части своего собственного тела, которую нельзя ни увидеть, ни потрогать. У детей при высокой температуре часто бывает кошмар, где фигурирует образ поверхности, которая коробится, пучится, рвется, покрывается буграми и впадинами. В такой образной форме находит выражение атака на успокаивающие представления о коже, общей с поддерживающим объектом. Эта поверхность может представляться сновидцу также в виде извивающихся змей, но было бы ошибкой толковать данный образ как фаллический символ. Наличие множества извивающихся змей – не то же самое, что одна-единственная вставшая на дыбы змея. Гротштейн цитирует запись сна маленькой девочки, сделанную матерью и принесенную к нему на анализ: “Дочь проснулась посреди ночи, видя везде змей, даже на полу, по которому она шла. Она побежала в спальню к матери и взобралась к ней на кровать, прижавшись своей спиной к ее животу”. Это было единственное место, где девочка смогла найти облегчение. Поскольку пациенткой была мать, ее ассоциации

по поводу данного события быстро установили, что она идентифицировалась с дочерью. Она представлялась себе маленькой девочкой, желавшей прикинуться ко мне, терапевту, чтобы обеспечить себе “поддержку” (*backing*), защиту и “тыл” (*rearing*), которых ее лишили в детстве собственные ее родители.

Вторая позиция, где ребенок животом прижимается к спине человека, выступающего в функции поддерживающего объекта, приносит участнику ощущение-чувство, что самая ценная и хрупкая часть его тела, а именно – живот, защищен защитным экраном, которым служит тело поддерживающего другого. Этот опыт обычно приобретается с одним из родителей (нередко и с тем, и с другим); он может продолжаться достаточно долго в случае, когда родителя замещают брат или сестра, с которым ребенок делит кровать (до того, как начать анализ у В.Биона, Самюэль Беккет мог победить тревогу бессонницы, только лишь засыпая под боком своего старшего брата). Одна моя пациентка, воспитанная жесткими и разобщенными родителями, вплоть до пре-пубертатного возраста также находила чувство внутренней безопасности, засыпая, прижавшись к спине своей младшей сестры, с которой делила общую кровать.

У Дж.Гротштейна можно найти еще один знаменательный пример: “Пациенты в анализе часто приносили мне сны, в которых они вели машину, занимая место на заднем сидении. Ассоциации к этим снам почти неизменно вели к понятию *поддержки сзади* (*support baking*) и как следствие – к трудностям автономии”. Автор предлагает даже игру слов, не переводимую на французский: поскольку поддерживающий объект находится “сзади” или “под” (*he under stands*), он предоставляет парадигму “понимания” (*understanding*).

2. Коже, покрывающей всю поверхность тела, где помещены все органы чувств, соответствует функция *контейнирования*. Данная функция, в основном, осуществляется материнским *handling* (*уход, обхождение*). Ощущение-образ кожи как мешка возникает у младенца вместе с материнской заботой о его теле, приспособленной к его потребностям. Кожа-Я как психическое представление выносит на поверхность игры между телом матери и телом ребенка также и голосовую игру – ответы матери с использованием голоса и жестов на ощущения и эмоции ребенка, поскольку *звуковой конверт-оболочка дублирует тактильный конверт*. Эти ответы циркулируют от одного к другому – эхоталии или эхопраксии одного имитируют другого, позволяют младенцу постепенно испытывать эти ощущения и эмоции самостоятельно, не чувствуя себя разрушенным. Р.Кис различает два аспекта данной функции (Kaes, 1979a). Так называемое “*contenant = содержащее, вместилище*”, стабильное, неподвижное, отдающее себя в качестве пассивного вместилища для хранения ощущений-образов-эмоций младенца, которые там нейтрализуются и сохраняются. “*Conteneur = контейнер*”

соответствует, по Биону, активному аспекту, материнской мечте проективной идентификации, осуществлению функции альфа, которая прорабатывает, трансформирует и возвращает участнику его ощущения-образы-аф-фекты, ставшие репрезентабельными.

В той же степени, как кожа обволакивает все тело, Кожа-Я стремится обернуть весь психический аппарат – притязание, которое в последующем оказывается чрезмерным, но в начале является необходимым. Кожа-Я представляется как кожура, оболочка, а влечения Оно – как ядро. Они необходимы друг другу. Кожа-Я контейнирует только в том случае, если есть влечения для контейнирования, с целью локализации последних в телесных источниках, позже – для дифференциации. Влечение ощущается как давление, толчок, как двигательная сила, только если оно встречает границы, и если имеются особые точки включения в психическое пространство, где оно разворачивается, а также – если его источник спроецирован в область тела, наделенную особой возбудимостью. Эта взаимодополнительность кожуры и ядра создает чувство непрерывности Себя.

Отсутствию контейнирующей функции Кожи-Я соответствуют две формы тревоги. *Тревога возбуждения влечений* – диффузная, не локализованная, разбросанная, не идентифицируемая, не определяемая, не находящая успокоения, – выражает психическую топографию ядра без кожуры. Индивид ищет заместителя кожуры-оболочки в физической боли или психической тревоге – он “обертывается” в страдание. Во втором случае мы имеем дело с *тревогой опустошения*. И что тогда происходит с кожей? Оболочка существует, но ее непрерывность нарушена дырами. Эта Кожа-Я – сито. Мысли, воспоминания – трудно сохраняемы; они утекают, улечиваются, просачиваются. Предмет тревоги заключается в страхе, что внутреннее – опустошится. И тогда для утверждения Себя необходима агрессивность. Эти психические “дырки” могут прикрепиться к порам кожи.

3. Поверхностный слой эпидермиса предохраняет его чувствительный слой (где находятся свободные окончания нервов и осязательные тельца) и организм в целом от физической агрессии, повреждения, радиации, чрезмерной стимуляции. Начиная с “Эскизов научной психологии”, созданных в 1895г., З.Фрейд признает за Я функцию “*pare-excitation*” – *защиты от чрезмерного возбуждения*. В “Заметках о магическом Блоке” (1925) он утверждает, что Я (как и эпидермис, но Фрейд, однако, не делает этого уточнения) представляет собой двухслойную структуру. В “Эскизах” он дает понять, что мать служит для ребенка вспомогательным барьером от возбуждения, и, добавлю, – до тех пор, пока, развиваясь, Я не найдет достаточной поддержки в своей собственной коже, чтобы выполнять эту функцию самостоятельно. В общем, *Кожа-Я – это виртуальная с рождения структура, которая актуализируется во время отношений между мла-*

денцем и первичным окружением. Более отдаленное происхождение этой структуры восходит к появлению самих живых организмов.

Чрезмерность возбуждения и дефицит барьера от этой чрезмерности (*pare-excitation*) выступает в случаях разнообразной конфигурации. Так, например, Тастин описал два образа тела, принадлежащих, соответственно, первичному и вторичному аутизму: Я-осьминог, когда ни одна из функций Кожи-Я (ни поддержки, ни контейнирования, ни барьера от возбуждения) не сформирована и никакой двухслойности даже не намечается, и Я-ракообразное – с ригидным панцирем, заменяющим отсутствующий контейнер, который препятствует формированию последующих функций Я-Кожи (Tustin, 1972).

Параноидная тревога вторжения в психику также представляется в двух, но уже совсем иных формах: а) у меня крадут мои мысли (преследование); б) мне вкладывают мысли (воздействующий аппарат). Здесь функции контейнирования и защиты от воздействия явно существуют, но обнаруживается их недостаточность.

Тревога потери объекта, выполняющая вспомогательную роль барьера от возбуждения, заметно усиливается, когда ребенок отдается матерью на воспитание своей собственной матери (то есть бабушке по материнской линии), и последняя заботится о нем с таким качественным и количественным совершенством, что у него нет ни возможности, ни необходимости прийти к ауто-поддержке. Токсикомания может возникнуть, таким образом, как решение образовать между Я и внешней стимуляцией барьер тумана или дыма.

Барьер от возбуждения можно разработать, опираясь на дерму, вместо эпидермиса: таковы случаи мышечного панциря (*la seconde peau*) (Э.Бик) или панциря характера (В.Райх).

4. Своей шероховатостью, цветом, текстурой и запахом человеческая кожа представляет в высшей степени индивидуальное образование. Имеющиеся в этой области индивидуальные различия могут быть нарциссически, даже социально сверх-инвестированы, позволяя их обладателям стать для других объектом привязанности и любви и утвердить себя самих в качестве индивида, имеющего свою персональную кожу. Кожа-Я обеспечивает и функцию *индивидуации*, которая приносит человеку чувство собственной уникальности. Тревога, обозначенная З.Фрейдом как “тревожная странность” (1919), связана с направленной на индивидуальность угрозой в результате ослабления чувства собственных границ.

При шизофрении вся внешняя реальность (плохо отличаемая от внутренней реальности) рассматривается как опасная для ассимиляции, и потеря чувства реальности позволяет любой ценой поддерживать чувство цельности Себя.

5. Кожа – это поверхность, имеющая углубления, полости, где располагаются органы чувств, не связанные с функцией осязания, которой служит сам эпидермис. Кожа-Я – *психическая поверхность*, соединяющая между собой ощущения различной природы, выставляя их как фигуры на первоначальном фоне, коим является тактильная оболочка-конверт. Именно межсенсорная функция Кожи-Я завершает построение того “*общего чувства*” (*sensorium commune* в средневековой философии), отсылка к базису которого происходит при прикосновении. Отсутствие этой функции влечет за собой тревогу распадающегося на кусочки тела, точнее, разрушения тела (Meltzer, 1975), то есть независимого, анархического функционирования разных органов чувств. Я покажу далее определяющую роль, которую запрет на прикосновение играет в переходе от контейнирующей тактильной оболочки в межсенсорное пространство, подготавливающее символизацию. В нейрофизиологической реальности, именно в головном мозге, осуществляется интеграция информации, идущей от различных органов чувств; межсенсорность, – функция ЦНС, или, обобщая, эктодермы (откуда происходят как кожа, так и ЦНС). В психической реальности этот факт игнорируется. Здесь существует одно воображаемое представление кожи как фона, как первоначальной поверхности, на которой разворачиваются межсенсорные связи.

6. Кожа младенца является объектом либидинозной инвестиции матери. Еда и забота сопровождаются, как правило, приятными контактами кожа к коже, которые подготавливают ауто-эротизм и делают удовольствия кожи привычным фоном сексуальных удовольствий. Последние локализуются в некоторых эректильных зонах или отверстиях (утолщениях и полостях), где поверхностный слой эпидермиса утончается и где прямой контакт со слизистой оболочкой вызывает сверхстимуляцию. Кожа-Я выполняет функцию поверхности, *поддерживающей сексуальное возбуждение*. При нормальном развитии на этой поверхности могут быть локализованы эрогенные зоны, признаки, которые лежат в основе разницы полов, и их желаемое дополнение. Эта функция может довольствоваться осуществлением на самой себе: Кожа-Я заполучает на всей своей поверхности либидинозную инвестицию и становится оболочкой-конвертом общего сексуального возбуждения. Эта конфигурация порождает детскую сексуальную теорию, несомненно, самую архаическую, согласно которой сексуальность заключается в удовольствии контакта кожа к коже, а беременность – результат простого телесного объятия и поцелуя. За отсутствием удовлетворительной разрядки, эта оболочка эрогенного возбуждения может превратиться в оболочку тревоги.

Если инвестиция кожи носит, скорее, нарциссический характер, нежели либидинозный, оболочка возбуждения будет заменена на блестящую нар-

циссическую оболочку, которая, как предполагается, делает своего обладателя неуязвимым, бессмертным и героическим.

Если поддержка сексуального возбуждения не была обеспечена, индивид, став взрослым, не чувствует себя в достаточной безопасности, чтобы начать полные сексуальные отношения, заканчивающиеся взаимным генитальным удовлетворением.

Если утолщения и сексуальные отверстия являются местами, скорее, алгогенного (*алго* = *боль*) опыта, нежели эрогенного, представление о продырявленной Коже-Я усиливается. И тогда тревога преследования становится главной. Усиливается также предрасположенность к сексуальным перверсиям, имеющим своей целью инвертировать боль в удовольствие.

7. Коже как поверхности, которая испытывает постоянную стимуляцию сенсо-моторного тонуса посредством внешних возбуждений, соответствует функция *либидинозной разгрузки* психического функционирования кожи-Я – поддержания внутреннего энергетического напряжения и его неравного распределения между психическими подсистемами. Отсутствие этой функции создает два типа антагонистических тревог: тревогу взрыва психики из-за перегрузки возбуждением (например, эпилептический припадок {*Beauchesne*, 1980}) и тревогу Нирваны – страх, что желание свести напряжение к нулю исполнится.

8. Кожа, с находящимися в ней тактильными органами чувств (осязание, боль, тепло-холод, дерматотопическая чувствительность), предоставляет прямую информацию о внешнем мире, которая затем смешивается “общим чувством” со звуковой, зрительной и др. информацией. Кожа-Я выполняет функцию *записи* тактильных сенсорных *следов*, или *функцию пиктограммы* (*Nasio*, 1975). Эта функция усиливается материнским окружением в той мере, в какой она выполняет свою роль “предоставления объекта” для младенца (*Winnicott*, 1962). Она развивается с двойной опорой на биологическое и социальное. Биологическое: первый рисунок реальности отпечатывается непосредственно на коже. Социальное: принадлежность индивида к социальной группе обозначается с помощью надрезов, татуировок, рисунков, макияжа, прически и дублера кожи – одежды. Кожа-Я – это первоначальный пергамент, сохраняющий, на манер палимпсеста, исчерканные, выскобленные, подчищенные, перегруженные черновики “первоначального” довербального письма.

Первая форма относительной тревоги в этой функции связана с опасением, что поверхность тела и Я будет заклеяна позорящими и не стираемыми надписями, исходящими от Сверх-Я (покраснение, экзема, символические раны {*Bettelheim*, 1954}, – подобно выгравированным с помощью адской машины на коже осужденных статьям Кодекса, которые они преступили, чтобы сознание вины преследовало их до самой смерти

{Кафка, 1914-1919}). Другая тревога связывается с опасностью стирания записи в результате перегрузки или с потерей способности сохранять следы, например, во сне.

Атаки на Кожу-Я

Все упомянутые функции находятся на службе влечения привязанности, а также либидинозного влечения. Неужели нет ни одной негативной активности Кожу-Я – на службе Танатоса, имеющей целью *саморазрушение* кожи и Я? Прогресс в иммунологии, начатый исследованиями сопротивления организма при пересадке органов, обратил наше внимание на живой организм. Факт несовместимости донора и реципиента органа подтвердил, что на Земле нет двух идентичных людей (кроме однойцевых близнецов). Кроме того, он позволил понять важность клеточных маркеров “биологической личности”: чем больше эти маркеры похожи у донора и получателя, тем больше вероятность удачной пересадки.

Биологи, сами того не осознавая, обратились к понятиям, аналогичным таким психологическим понятиям, как Самость, не-Я, которыми последователи З.Фрейда дополнили вторую топикку психического аппарата. При многочисленных болезнях система иммунологической защиты человека может прийти в хаотичное движение, нападая на какой-то орган собственного тела, как если бы он был чужой трансплантант. Такая реакция названа ауто-иммунным феноменом, то есть, этимологически, живой организм предпринимает иммунную реакцию против себя самого. Армия клеток, созданная, чтобы отбрасывать чужеродные ткани – не-Себя, как говорят биологи, иногда становится настолько слепа, что атакует Себя, находящееся в состоянии полного здоровья. Отсюда появляются, часто серьезные, ауто-иммунные заболевания.

Как психоаналитик, я поражен сходством между ауто-иммунной реакцией, с одной стороны, и, с другой, поворотом на себя влечения – негативной терапевтической реакцией, так же как атаками на связи вообще и на психический контейнер, в частности. Я также отмечаю, что различие своего, похожего и чужого (Шпитц), или Я и не-Я (по Винникотту), имеет биологические корни даже на уровне клетки. Это дает основание думать, что кожа как оболочка тела образует *переходную реальность* между клеточными мембранами (которые собирают, сортируют и переносят информацию, касающуюся чужеродности ионов или ее отсутствия) и психической поверхностью, являющейся системой восприятия-сознания Я.

Специалисты по психосоматике описали наличие в аллергетической структуре инверсии сигналов о безопасности и опасности: родственные, похожие элементы, выполняющие функции защиты, изгоняются организмом как чуждые, а чужеродные вместо того, чтобы вызывать беспокойство, внушают доверие: отсюда парадоксальная аллергическая реакция. Сюда же

можно отнести и токсикоманию, когда избегается то, что может принести пользу, и вызывает влечение то, что вредно. Факт, что аллергетическая структура представляется часто в форме чередования “астма-экзема”, позволяет уточнить конфигурацию Кожи-Я. Прежде всего, это позволяет говорить о недостаточности функции определения объема внутренней психической сферы (Кожи-Я – мешка), то есть о трудностях перехода от двумерного к трехмерному представлению о психическом аппарате (*Houzel, 1984a*). Два заболевания соответствуют двум возможным способам подхода к поверхности этой сферы: изнутри и снаружи. Астма представляет собой попытку почувствовать изнутри конституирующую оболочку телесного Я: больной надувается воздухом, пока не почувствует с изнанки границы своего тела и не подтвердит расширенные границы Себя. Чтобы сохранить это ощущение Себя – надутого мешка, он задерживает дыхание, рискуя заблокировать ритм газообмена со средой и задохнуться. Напротив, экзема – это попытка почувствовать телесную поверхность Себя снаружи (в этих болезненных трещинах, в шероховатости, в этом стыдном, позорном виде), а также оболочку тепла и диффузного эрогенного возбуждения.

В психозе, особенно при шизофрении, парадокс, проявляющийся в аллергии, достигает крайней степени выражения. В психическом функционировании доминирует то, что П.Винер назвал антифизиологической реакцией (*Wiener, 1983*). Доверие к естественному функционированию организма разрушается или не было достигнуто вообще. Все, что естественно, переживается как искусственное; живое приравнивается к механическому; все полезное для жизни и в жизни переживается как смертельная опасность. Такое парадоксальное психическое функционирование, по кругу, изменяет восприятие телесного функционирования и возвращается в психику, усиливая эти парадоксы. Здесь скрытая парадоксальная конфигурация Кожи-Я влечет за собой непринятие фундаментальных различий: бодрствование-сон, мечта-реальность, одушевленное-неодушевленное.

Бессознательные атаки на психический контейнер, что, возможно, подкрепляется органическими ауто-иммунными феноменами, мне кажется, происходят из частей Себя, которые смешиваются с представителями ауто-деструктивных влечений, присущими Оно, переносятся на периферию Себя, заключаются в поверхностный слой, которым является Кожа-Я, где они подтачивают непрерывность, разрушают связи, искажают функции, переворачивая их цели. Воображаемая кожа, покрывающая Я, становится ядовитой оболочкой, душащей, обжигающей, разлагающей. Можно, таким образом, говорить о токсическом действии Я-Кожи.

Влажные обертывания

Существует техника лечения тяжелых психотических больных, берущая начало во влажном обертывании (*le pack*), практикуемом во французской

психиатрии XIX века. Она же представляет собой аналог африканского ритуала терапевтического погребения или ледяную ванну тибетских монахов. *Le pack* был введен во Франции в 1960 году американским психиатром Вудбари, который к процедуре физического обертывания простынями добавил тесное окружение больного группой персонала. Эта деталь подтверждает гипотезу, выдвинутую в начале этой книги о двойной опоре Кожи-Я на биологическое – поверхность тела, и социальное – присутствие единого и внимательного окружения во время опыта, проживаемого участником.

Больной, в нижнем белье или голый, по выбору, обертывается медперсоналом в мокрые и холодные простыни. Они обматывают отдельно каждую из конечностей, затем все тело вместе с конечностями, кроме головы. Сразу же после обертывания больного накрывают одеялом, чтобы он мог быстро согреться, и оставляют лежать 45 минут. Больной может свободно озвучивать, если хочет, свои ощущения (все равно, по мнению персонала, испытавшего этот опыт на себе, переживаемые ощущения-аффекты до того экстраординарны, что словами их не выразить). Персонал касается руками пациента, “переговаривается” с ним взглядами, беспокоится и жадно улавливает то, что с ним происходит. Опыт *le pack* столь сильно связывает между собой группу, что влечет за собой зависть остального персонала. Я нахожу здесь подтверждение другой моей гипотезы, что телесная оболочка – один из бессознательных психических организаторов группы (*Nasio, 1981b*). После относительно короткой фазы тревоги, связанной с холодом и глобальным восприятием окружения через холод, пациент начинает испытывать чувство всемогущества, собственной физической и психической полноты. Я трактую это как регрессию к той беспредельной первоначальной психической Самости, о существовании которой строили предположения некоторые аналитики. Состояние регрессии сопровождается опытом диссоциации психического и телесного Я, хорошо знакомым не только мистикам, но и участникам группы. Подобное самочувствие становится более длительным с повторением обертываний (полное лечение, по психоаналитической модели, может занять годы в режиме трех обертываний в неделю).

Обертывание дает пациенту ощущение двойной телесной оболочки: термической (холод, затем тепло – периферическая сосудорасширяющая реакция на контакт с холодом), управляющей внутренней терморегуляцией; и тактильной (мокрые простыни, прилипшие ко всей поверхности кожи). Оно заново организует его Я, которое переживается как автономное, оставаясь одновременно в состоянии контакта с другими, что и является одной из топографических характеристик Кожи-Я. Специалист по обертыванию К.Кэчард употреблял в связи с этим удачный, на мой взгляд, термин: “мембраны жизни” (*Cachard, 1981*).

Терапия “вспомогательных оболочек” (обертывание, но также массаж, биоэнергетика, группы встреч) оказывает лишь временный эффект. Она показана людям, для которых периодически необходимо заново подтвердить через конкретный опыт базовое чувство Кожи-Я. Подобная терапия необходима и всем нам, когда мы находимся в состоянии серьезного дефицита, создающего почву для развития замещающих и компенсаторных психических конфигураций.

Технику *le rack* можно использовать также с психотическими и слепоглухонемыми детьми, которые располагают единственным каналом означивающего общения с окружающими – через тактильный регистр. Обертывание дает им структурирующую “вспомогательную оболочку”, которая на некоторое время занимает место их патологических оболочек, благодаря чему они могут оставить часть своих защит – звуковую и моторную ажитацию, и почувствовать себя целостными и собранными.

Перевод с франц. *С.Лапиной*

P.S. Статье, которую Вы только что прочитали, отчасти не повезло. В портфеле редакции она пролежала почти полтора года. Едва закончив работу над ее переводом, юная переводчица Светлана Лапина вынуждена была поспешно – в два дня – распрощаться с Россией и отбыть во Францию, куда ее торопило замужество. Надо ли говорить, что будничные обязательства – ничто в сравнении с таким волнующим переломом в судьбе молодой женщины! В одно мгновение они превратились в прошлогодний снег. Члены редсовета прониклись пониманием, но вот беда – в конверте с переводом текста, присланным с посылным, не удалось обнаружить ни оригинала статьи, ни даже списка литературы. Редакция предпринимала разные шаги, стремясь устранить досадный пробел, однако ни одна из инициатив не увенчалась успехом. Дальнейшие усилия в том же направлении требовали новых временных затрат. И мы решили, пусть лучше читатель прочтет эту интереснейшую, на наш взгляд, статью без списка литературы, нежели она будет и дальше ждать своего часа в ящике редакционного стола.

И все же, если Вы, дойдя до конца статьи и не обнаружив положенного перечня литературных источников, испытали чувство разочарования, приносим свои извинения за допущенную некорректность.